

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 22

Отражение в окне

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Отражение в окне

«Автор»

2026

Карадениз М.

Отражение в окне / М. Карадениз — «Автор», 2026

Он переехал в старую квартиру на набережной, чтобы забыть прошлое. Архитектор-реставратор Денис Рыбаков искал тишину — вместо этого нашёл отражения. В панорамном окне появляются фигуры, которых нет в комнате. Следы на подоконнике, которые он не оставлял. Голоса за стеной в три часа ночи. Денис уверен: это стресс, игра воображения. Но в вентиляционной шахте он находит женскую серьгу, а на капоте машины появляется царапина: «УЙДИ». За стенами его квартиры скрывается тайна, которую десятилетиями хранил весь дом. Чем дальше он продвигается в расследовании, тем яснее понимает: за ним наблюдают. Из стен. Из отражений. Из прошлого, которое не умерло. Оно просто ждало. Новый жилец. Старый дом. Стекло, которое видит то, чего быть не может. «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ЧУЖИЕ СЛЕДЫ	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Отражение в окне

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Ночь. Десятое декабря 2025 года. Тверь, набережная Волги.

Денис Рыбаков стоял у панорамного окна в тёмной квартире на пятом этаже. За спиной — пустая комната, пахнущая старой штукатуркой и сыростью, въевшейся в стены за десятилетия. Впереди — замёрзшая Волга, серая, тяжёлая, покрытая трещинами льда, и редкие огни на том берегу, размытые снежной пеленой, падающей с низкого декабрьского неба.

Он не спал уже третью ночь. Бессонница въелась в кожу, оставила тени под глазами, сделала взгляд мутным. Он переехал сюда месяц назад, после развода, оставив бывшей жене и дочери трёхкомнатную квартиру в Москве. Здесь, в Твери, он надеялся начать заново — тишина, Волга, работа. Архитектор-реставратор, он занимался обмерами старых зданий, восстанавливал фасады, которые никто не видел десятилетиями. Но тишина оказалась слишком громкой. По ночам он слышал, как скрипят половицы в пустых комнатах, как гудит вентиляция, как ветер бьётся в панорамные стёкла.

В руке — телефон. Экран горел холодным белым светом, освещая его лицо снизу. На экране — непрочитанное сообщение. Номер незнакомый, без имени, без аватара. Текст: *«Ты уже видишь. Осталось понять»*.

Денис нахмурился. Сообщение пришло три минуты назад. Он не знал этого номера. Он никому не давал свой новый номер — сменил его после развода, чтобы бывшая жена не звонила по пустякам. Только работа, только заказчики. Никто не мог знать.

Он поднял голову к стеклу. Панорамное окно занимало всю стену, от пола до потолка. За ним — Волга, чёрная в ночи, с белыми прожилками льда. Снег падал медленно, крупными хлопьями, оседал на подоконнике, таял, оставляя мокрые разводы.

В отражении — его собственное лицо. Уставшее, небритое, с тёмными кругами под глазами. Щетина за три дня, волосы взлохмачены. Он выглядел старше своих тридцати девяти. Глубокая морщина между бровей, которую он приобрёл за последние полгода, стала заметнее при свете уличных фонарей, пробивающихся сквозь снег.

Но за его спиной, в дверном проёме, — вторая фигура.

Денис замер. Сердце пропустило удар, потом забилось быстрее, толкаясь о рёбра. Фигура стояла неподвижно, в тёмной одежде — чёрная куртка, капюшон, надвинутый на лицо. Лица не разобрать — только силуэт, только руки, висящие вдоль тела. Одна рука медленно поднялась вверх. В ней блеснул нож. Отражённый свет скользнул по лезвию, и Денис увидел, как оно сверкнуло холодным металлом, как капля воды скатилась по стали, оставляя мокрый след.

Денис не обернулся. Он не мог. Тело отказало — ноги приросли к полу, руки сжали телефон так, что экран треснул под пальцами. Он смотрел на отражение, замороженный, как кролик перед удавом, как зритель в кинозале, который знает, что сейчас произойдёт что-то страшное, но не может отвести взгляд.

Фигура сделала шаг вперёд. Один шаг. Тихий, неслышный — половицы не скрипнули под ногами. Вторая рука поднялась, сжалась в кулак.

Стекло перед Денисом треснуло. Удар пришёлся с той стороны — отражённая рука, та, что держала нож, вонзила лезвие в стекло изнутри комнаты, отражение ударило по стеклу из глубины квартиры. Трещина разбежалась паутиной от центра к краям — тонкая, белая, как молния в зимнем небе.

Денис отшатнулся. Воздух вырвался из лёгких с хрипом. Он ударился спиной о стену, задел плечом выключатель, и в коридоре зажёгся тусклый свет лампы, висящей на проводе. Руки дрожали. Он сжал телефон так, что побелели костяшки. Пот выступил на лбу, скатился по виску, упал на рубашку.

Он обернулся.

В комнате — никого. Пустая прихожая. Приоткрытая дверь в спальню. Свет уличного фонаря на полу, разбитый на геометрические куски. Тишина — только гул вентиляции из ванной, только снег за окном, только его собственное дыхание, сбитое, прерывистое.

Только трещина на стекле.

И телефон в руке, где сообщение исчезло. Не просто исчезло — текст стёрся сам собой, оставив вместо слов одну букву, одно слово, выведенное белым по чёрному фону: «*Смотри*».

Денис медленно выдохнул. Сделал шаг вперёд, к окну. Подошёл на расстояние вытянутой руки. Протянул пальцы, коснулся трещины. Стекло было холодным — таким холодным, что кожа прилипла к поверхности, и он отдёргнул руку, оставив на стекле мокрый след.

Он присмотрелся. И замер.

За стеклом, на внешней стороне, — отпечаток ладони. Пять пальцев, вдавленных в снежную пыль, налипшую на стекло снаружи. След был чётким — ладонь, пальцы, даже линии на коже. Кто-то прижимался к стеклу снаружи.

Но снаружи — пятый этаж.

Карниз узкий, шириной не больше десяти сантиметров, покрытый льдом и снегом. До него не добраться без лестницы, без альпинистского снаряжения. Да и зачем кому-то стоять на карнизе в декабрьскую ночь? Зачем прижиматься к стеклу?

Денис прижался лбом к стеклу, вглядываясь в темноту за окном. Снег падал, кружился, ложился на подоконник, на стекло, на отпечаток ладони. След таял на глазах — снег таял от тепла его лица, превращался в капли воды, стекал по стеклу, размазывал отпечаток, делал его расплывчатым, нечётким.

Но в глубине стекла, в самом центре трещины, отражалась чья-то фигура. Стояла в комнате, у него за спиной, в дверном проёме, там же, где минуту назад стоял тот, с ножом. Та же фигура. Та же тёмная одежда. Тот же капюшон.

Денис дёрнулся, развернулся.

Пусто. Только свет лампы в коридоре, только тень от вешалки на стене, только его собственное отражение в зеркале прихожей — бледное, испуганное, с расширенными зрачками.

Он перевёл дыхание. Посмотрел на телефон. Экран погас. Он нажал на кнопку — телефон засветился, показал время: 3:14 ночи. Сообщений нет. Никакого номера. Никакого текста. Только тишина.

Только трещина на стекле.

И снег, падающий на замёрзшую Волгу, беззвучно касался воды, застывая на ней белым покрывалом.

ЧАСТЬ 1. ЧУЖИЕ СЛЕДЫ

Глава 1

Денис Рыбаков открыл глаза в три часа ночи.

Свет уличного фонаря пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы, ложился на потолок жёлтым прямоугольником. В комнате было холодно — батареи в сталинке грели едва-едва, и он уже привык спать в свитере, натянув одеяло до подбородка.

Он лежал неподвижно, глядя на трещину на стекле.

Панорамное окно, та самая трещина от удара ножом, которую он видел ночью. Она всё ещё была там — тонкая белая линия, перечёркивающая отражение уличных огней, — как напоминание о том, что случилось несколько часов назад.

Денис сел на кровати. Голова гудела от недосыпа, во рту было сухо. Он провёл ладонью по лицу, ощутил щетину — не брился уже три дня. В Москве он брился каждый день, даже в выходные. А здесь, в Твери, он перестал следить за собой. Зачем? Бывшая жена больше не видела его. Дочь звонила раз в неделю, и голос её звучал отстранённо, будто они говорили о погоде, а не о жизни.

Он встал. Половицы скрипнули под ногами — старый дом, 1952 года постройки, слышал каждый шаг. Денис прошёл на кухню, включил чайник. Свет над плитой тусклый, жёлтый, выхватывал из темноты стол с чертежами, кружку, оставшуюся с вечера, и пачку печенья.

Он переехал сюда месяц назад. Трёхкомнатную квартиру в Москве, с евроремонтом, с видом на Ленинградский проспект, оставил бывшей жене. Не из благородства — просто устал спорить. Она хотела оставить её себе, сказала, что дочери нужна стабильность, что она не может снимать жильё, что он и так виноват в их разводе.

Денис не спорил. Он собрал чемодан, взял ноутбук, папку с чертежами и уехал.

Тверь была его родным городом — он родился здесь, вырос, уехал в Москву учиться на архитектора в двадцать лет. Вернулся через девятнадцать лет разведённым, без денег, без планов, только с заказами на реставрацию старых зданий, которые он брал на аутсорсе.

Сейчас он восстанавливал купеческий особняк на улице Трёхсвятской, памятник архитектуры, который гнил двадцать лет. Каждый день он ездил туда, обмерял стены, фотографировал трещины, делал расчёты. Это помогало. Работа выключала голову, заставляла думать о пролётах и нагрузках, а не о том, как дочь сказала на прощание «папа, ты же обещал, что мы будем вместе».

Он налил кипяток в кружку, бросил туда ложку растворимого кофе, размешал. Запах дешёвого, горького напитка смешался с запахом сырости и старой штукатурки.

Денис подошёл к окну.

Панорамное стекло занимало всю стену в гостиной. Он выбрал эту квартиру именно из-за окна — вид на Волгу, замёрзшую, серую, с трещинами льда, с редкими прорубями, где зимой рыбачили местные старики. Сейчас, в декабре, река спала, покрытая белым покрывалом, и только чёрные полыньи напоминали о том, что подо льдом течёт жизнь.

Он поднял кружку к губам, посмотрел на своё отражение в стекле. Уставшее лицо, щетина, тёмные круги. Следы бессонницы. Он почти не спал этой ночью — всё прокручивал в голове сообщение, трещину, фигуру в дверном проёме.

Он уже начал думать, что это галлюцинация. Недосып, стресс, переезд, развод — любое объяснение подходило лучше, чем реальность. Потому что реальность говорила: кто-то стоял у него за спиной и смотрел в окно вместе с ним. Кто-то ударил ножом по стеклу — и стекло треснуло. Но когда он обернулся, никого не было.

Денис сделал глоток. Кофе обжёг горло.

И в этот момент в стекле отразилась комнаты. Диван, кресло, торшер в углу, его собственная фигура в тёплом свитере. И на диване — женщина.

Она сидела, скрестив ноги, в светлом платье, тёмные волосы распущены. Лицо бледное, глаза прищурены, губы растянуты в улыбке — не доброй, не злой, просто странной, как у человека, который знает то, чего не знаешь ты.

Денис замер. Кружка в руке дрогнула, горячий кофе плеснулся на пальцы, но он не почувствовал боли.

Женщина в отражении подняла руку и помахала ему.

Он резко обернулся.

Диван пуст. Подушка лежала ровно, как он оставил её вечером. Никто не сидел на нём, никто не мог сидеть — он спал в комнате, слышал бы любой скрип, любое движение.

Денис повернулся обратно к окну.

Женщина всё ещё была там. Сидела на диване, смотрела на него, улыбалась. Но в этот раз она поднесла палец к губам — жест «тихо» — и медленно исчезла. Не растворилась, не растаяла, а просто перестала быть видимой, как будто кто-то стёр её изображение с плёнки.

Денис шагнул к окну, прижался лбом к стеклу. Холод пронзил кожу, заставил его отшатнуться. Он потёр лоб, открыл глаза.

В отражении — только он. Пустая комната. И трещина на стекле, перечёркивающая его лицо.

Он перевёл взгляд на подоконник.

Мокрый след.

Не его — он не касался стекла, он стоял в метре, держа кружку. След ладони, чёткий, как отпечаток на холсте. Будто кто-то стоял здесь, опираясь рукой о подоконник, и смотрел на Волгу.

Денис перевёл дыхание. Вытер лицо рукавом. След на подоконнике таял на глазах, вода впитывалась в старую краску, оставляя тёмное пятно.

Он должен был найти объяснение. Вода с улицы? Конденсат от окна? Он сам случайно опёрся на подоконник, пока смотрел?

Нет. Он помнил, что не касался стекла. Он вообще редко подходил к окну так близко — боялся разбить треснувшее стекло, которое собирался заменить, но всё откладывал.

Денис вышел из гостиной, прошёл на кухню. Поставил кружку на стол, посмотрел на чертежи. Купеческий особняк, фасад, ворота, резные наличники. Он работал над ними вчера вечером, делал пометки карандашом, обводил углы, считал пролёты.

Чертежи лежали в другом порядке.

Не так, как он оставил их.

Денис замер, глядя на стол. Он помнил, что оставил верхний лист, где был изображён главный фасад, на самом верху стопки. Сейчас там лежал план второго этажа — с комнатами, с коридорами, с лестничным маршем.

Он перебирал бумаги. Всё было перемешано. Кто-то переложил их, пока он спал.

И в центре, на главном чертеже — там, где он вчера рисовал фундамент, — появилась красная точка. Маленькая, аккуратная, круглая. Будто капнула из пипетки.

Денис поднёс лист к свету. Лампочка над плитой горела тускло, но красного цвета хватило, чтобы разглядеть. Он провёл пальцем по точке — влажная, ещё не засохшая. Он поднёс палец к носу. Запах металла, железа.

Кровь.

Свежая.

Денис отбросил лист на стол, отступил на шаг. Сердце забилось быстрее, в груди стало тесно. Он посмотрел на свои руки — чистые, без царапин. Никакой крови. Не его.

Он перевёл взгляд на стену, где висела вентиляционная решётка. Она была прикручена на место, как и вчера. Но Денис заметил: на одном из шурупов — свежая царапина, будто решётку недавно откручивали и прикручивали обратно.

Он подошёл, провёл пальцем по металлу. Шуруп держался неплотно, едва прикрученный. Отвёртка? Нет, слишком тонкая царапина. От ногтя? Или от тонкого лезвия?

Денис шагнул назад. Вытер руки о джинсы. Сделал глубокий вдох.

Кто-то был здесь этой ночью.

Кто-то стоял у него в квартире.

Кто-то оставил мокрый след на подоконнике, переложил чертежи и поставил на главном листе кровавую точку.

Он снова посмотрел на чертёж. На точку. На комнаты второго этажа. На лестницу.

И понял, что красная точка стоит не просто так. Она стоит на месте, где на плане обозначена вентиляционная шахта. Та самая, что проходила через его квартиру.

Денис повернулся к вентиляционной решётке.

Она была слегка приоткрыта — он не заметил этого сразу, потому что шурупы держали её, но с одной стороны край отошёл от стены на полсантиметра.

Он дёрнул решётку на себя.

И увидел, что внутри шахты, на пыльном металлическом дне, лежит женская серьга. Золотая, маленькая, с камешком.

Он никогда не носил серьги.

И в этой квартире никогда не было женщин.

Глава 2

Денис застегнул пальто на все пуговицы, натянул шапку и вышел из подъезда.

Утро было серым, декабрьским — небо затянуто низкими облаками, снег падал медленно, без ветра, крупными хлопьями, оседая на тротуаре, на крышах припаркованных машин, на чугунных решётках ливневок. Набережная Степана Разина выглядела пустынной — только редкие прохожие, укутанные в шарфы, торопились по своим делам, оставляя на свежем снегу цепочки следов.

Дом, в котором он снимал квартиру, был сталинской постройки, 1952 года. Денис знал это точно — он проверял документы, когда подписывал договор аренды. Пять этажей, высокие потолки, широкие лестничные марши, панорамные окна. Типичный сталинский ампир, который строили для партийной номенклатуры, а потом раздали обычным людям. Теперь здесь жили пенсионеры, студенты, случайные арендаторы вроде него.

Он прошёл к своей машине — старому «Фольксвагену» цвета мокрого асфальта, который он купил ещё в Москве, когда только начинал работать на себя. Машина пережила с ним развод, переезд, несколько бессонных ночей, когда он возил чертежи заказчикам в другие города. Она была надёжной, некрасивой и старой — как и он сам, подумал Денис и усмехнулся.

И замер.

На капоте, прямо по центру, была глубокая царапина. Не случайная — аккуратная, ровная, выведенная с явным намерением. Четыре буквы, каждая размером с ладонь:

«УЙДИ».

Денис наклонился, провёл пальцем по борозде. Металл был вскрыт до грунтовки, краска отходила тонкими стружками. Внутри царапины застряли крошечные частицы синей краски — яркой, химической, такой, какой красят стены в подъездах, трубы и, как он знал, форму работников ЖЭУ.

Он выпрямился. Оглянулся по сторонам. Улица была пуста — только снег, только машины, только окна дома, отражавшие серое небо.

Он поднял голову, посмотрел на свой этаж. Пятый.

В окне его квартиры, за панорамным стеклом, стояла чья-то фигура. Тёмная, неподвижная, прижавшаяся к стеклу так близко, что он мог видеть силуэт плеч и головы.

Денис замер. Сердце пропустило удар. Он прищурился, пытаясь разглядеть лицо. Но фигура стояла против света — уличные фонари уже погасли, а небо было серым, и в комнате было темно. Только силуэт. Только тень.

Фигура сделала шаг назад. Ещё один. И исчезла в глубине комнаты.

Денис рванул к подъезду. Ключи звякнули в руке, он открыл дверь, взбежал по лестнице, перескакивая через две ступеньки. В груди колотилось, дыхание сбилось, пальцы дрожали. Он не знал, кого он надеется застать — человека, который оставил царапину на машине, или того, кто стоял у окна.

Он влетел на пятый этаж. В коридоре было пусто. Только запах сырости и старой штукатурки, только хриплый гул вентиляции из подсобки, только его собственное дыхание, громкое, прерывистое.

Денис подошёл к двери, вставил ключ в замок. Повернул. Дверь открылась.

В квартире было тихо. Пусто. Он прошёл в гостиную, заглянул в спальню, на кухню, в ванную. Никого.

Он подошёл к окну, выглянул на улицу. Внизу — его машина, царапина на капоте, пустая набережная. Никто не стоял на улице, никто не смотрел на него.

Денис выдохнул, прижался лбом к стеклу. И тут же отдёргнулся. То же самое стекло, та же трещина. Он снова увидел своё отражение — уставшее, бледное, испуганное. Но за его спиной, в гостиной, никого не было. Он проверил. Пусто.

Он вернулся в прихожую, чтобы разуться. И замер.

На коврике, прямо перед дверью, лежал конверт. Белый, плотный, без марки, без обратного адреса. Только его имя, написанное от руки аккуратным женским почерком: «Денису Рыбакову».

Он поднял конверт двумя пальцами, будто боялся, что он взорвётся или исчезнет, как исчезала женщина в отражении. Бумага была холодной — её принесли с улицы. Значит, конверт появился здесь, пока он бежал за фигурой.

Денис разорвал край, вытащил листок. Сложен вчетверо, белый, без пометок.

Он развернул. Одна строка. Напечатана на принтере, чёрным шрифтом, без ошибок, без подписи:

«Ты не первый. Последний был в 1999-м. Она тоже не ушла».

Денис перечитал три раза. Потом сложил листок, сунул в карман, туда же, где лежала серьга. Конверт смял, хотел выбросить, но передумал — оставил на столе, чтобы сфотографировать.

Он сел на корточки, проверяя замок. Целый, без следов взлома. Дверь была закрыта, когда он уходил. Конверт не могли подсунуть под дверь — она прилегала плотно. Значит, его положили на коврик, пока Денис был на улице. Пока он смотрел на царапину на машине и бежал за фигурой.

Кто-то ждал. Кто-то видел, как он вышел. Кто-то поднялся на пятый этаж, положил конверт и ушёл, не оставив следов. Кто-то знал, где он живёт. Кто-то знал его имя.

Денис достал телефон, сфотографировал конверт, потом листок. Потом чертёж с красной точкой, потом серьгу, потом царапину на машине. Надо было фиксировать всё. Это была его профессиональная привычка — документировать, собирать, систематизировать. Архитектор, чёрт возьми. Он привык собирать детали в целое. Но сейчас он собирал детали, которые не складывались в картинку.

«Ты не первый».

Значит, кто-то был до него. Жильцы, которые снимали эту квартиру до него. Что с ними случилось? Уехали? Испугались? Или...

«Последний был в 1999-м».

Тот, кто жил здесь в 1999 году. Двадцать шесть лет назад. Денису тогда было тринадцать, он жил с родителями в другом районе Твери, учился в седьмом классе, мечтал стать архитектором и строить дома, в которых люди будут жить счастливо.

«Она тоже не ушла».

Она. Женщина. Та, что жила в этой квартире в 1999 году. Та, что не ушла. Что это значило? Она умерла? Пропала? Или до сих пор здесь?

Денис снова посмотрел на вентиляционную решётку. На ту, что была приоткрыта, когда он проснулся. На ту, внутри которой он нашёл серьгу.

Женщина. Серьга. 1999 год. «Она тоже не ушла».

Он подошёл к решётке, снова дёрнул её на себя. Металл скрипнул, шурупы, которые он не затянул как следует, поддались. Решётка открылась. Он заглянул внутрь шахты.

Там было темно. Пахло пылью, сухим теплом от батарей, которые проходили где-то рядом, и ещё чем-то — сладковатым, едва уловимым. Денис не мог понять, чем пахнет, но запах был странным. Непривычным.

Он сунул руку в шахту, нащупал дно. Металл, пыль, мусор. И нащупал что-то твёрдое.

Он вытащил это. Маленький предмет, завернутый в кусок старой, выцветшей ткани. Ткань рассыпалась в пальцах — гнилая, старая, наверное, лежала там десятилетиями. Он развернул её.

Внутри был паспорт. Советского образца, красная обложка с потёртыми углами, вмятина от печати на странице с фотографией. Денис открыл паспорт.

Евграфова Елена Васильевна, 1955 года рождения, место рождения — Тверь.

И фотография. Женщина с тёмными волосами, собранными в пучок, с бледным лицом и глазами, которые смотрели в камеру без улыбки. Та самая женщина. Та, что сидела в отражении. Та, что улыбалась ему из стекла и подносила палец к губам.

Денис сжал паспорт в руке. Он понял, что держит в руках документ женщины, которая, возможно, умерла или пропала. Или которая живёт в стенах его квартиры.

Он перевернул паспорт. На последней странице — штамп о регистрации. Квартира 17. Тверь, набережная Степана Разина.

Его квартира.

Она жила здесь.

И она не ушла.

Денис медленно перевёл взгляд на спальню. Дверь в спальню была приоткрыта — он точно закрывал её, когда уходил, потому что она всегда скрипела от сквозняка, и он не любил этот звук по ночам.

Теперь дверь была приоткрыта на ширину ладони. Внутри — темнота.

Он слышал звук. Тихий, почти неслышный — скрип половицы где-то в глубине квартиры. Из спальни. Той самой, где он спал этой ночью.

Денис замер, не дыша. Паспорт выпал из пальцев, упал на пол, раскрылся на странице с фотографией. Женщина с тёмными волосами смотрела в потолок.

Скрип повторился. Медленный, осторожный. Кто-то стоял в спальне. Кто-то переступал с ноги на ногу, прислушиваясь, ждал.

Денис медленно повернулся, глядя на дверной проём. В спальне было темно. Он не видел, что там, внутри. Только чёрный прямоугольник двери и слабый свет из коридора, падающий на порог.

Тишина. Только его дыхание, только гул вентиляции, только сердце, колотящееся о рёбра.

А потом из темноты спальни донёсся голос. Тихий, женский, почти шёпот:

— Ты нашёл мой паспорт. Ты уже близко.

Денис не двинулся. Не моргнул. Он смотрел на тёмный дверной проём, в котором не было ничего, кроме черноты.

В черноте что-то шевельнулось. Белое пятно — лицо. Женское лицо, бледное, с чёрными провалами глаз. Оно смотрело на него из темноты спальни, не приближаясь, не отдаляясь. Просто смотрело.

Денис открыл рот, чтобы сказать что-то, но голос не пришёл — только хрип, только воздух, вышедший из лёгких.

Лицо медленно исчезло. Растворилось в темноте, как будто его никогда не было.

Денис шагнул вперёд, к спальне. Замер на пороге.

Внутри было пусто. Пустая кровать, пустой шкаф, пустое окно, за которым падал снег. Никого. Только его собственное отражение в зеркале на стене — бледное, испуганное, с расширенными зрачками.

Он перевёл дыхание. Вытер пот со лба.

И только тогда заметил, что на полу, прямо у двери, лежит ещё один конверт. Белый, похожий на тот, что он нашёл у входа.

Он поднял его. Разорвал. Внутри — такая же бумага, такая же строчка, напечатанная на принтере, но другим почерком, более мелким:

«Она не ушла. Она ждала тебя. Ты следующий».

Денис сжал бумагу в кулаке. Снова посмотрел на пустую спальню. На трещину в окне. На своё отражение.

И в отражении он увидел женщину. Она стояла у него за спиной, в дверном проёме гостиной, и улыбалась.

Он резко обернулся.

Пусто.

Глава 3

Денис вышел из квартиры, плотно закрыв дверь. Он проверил замок дважды — дёрнул ручку, убедился, что заперто. Потом достал телефон и сфотографировал дверь, косяк, коврик. Надо было фиксировать всё — если кто-то снова оставит конверт, он должен знать, как это произошло.

Лестница скрипела под ногами. Дом был старым — не просто старым, а дышащим историей, которая въелась в стены, в штукатурку, в запахи. Денис привык к таким зданиям. Он работал с ними каждый день — обмерял, реставрировал, возвращал к жизни. Архитектурные памятники молчали, но он знал, как заставить их говорить. Они показывали трещины, перепады уровня, следы перестроек. Каждая стена была документом.

Сейчас он хотел, чтобы этот дом заговорил.

На первом этаже он остановился. Посмотрел на табличку на стене — список жильцов, когда-то аккуратно нанесённый краской, теперь выцветший и облупившийся. Квартира 17 — значилось просто «Евграфова Е.В.». И никаких других фамилий за ней. Только она.

Денис достал телефон, нашёл в интернете адрес ЖЭУ. Управляющая компания, обслуживающая этот дом, располагалась через квартал, на улице Советской. Он вышел на улицу, снег хрустел под ногами. На капоте машины всё ещё была царапина — «УЙДИ» — он накрыл её листом бумаги, чтобы не видеть.

Тротуар был пуст. Только редкие прохожие, торопящиеся в свои дела. Декабрьское утро было холодным и серым. Денис натянул капюшон и двинулся в сторону ЖЭУ.

Здание оказалось типичным для Твери — обшарпанный фасад, вход с железной дверью, кнопка звонка, сломанная и заклеенная скотчем. Он дёрнул ручку, дверь открылась, и его встретил запах машинного масла, въевшийся в воздух настолько плотно, что можно было попробовать на вкус. Смешанный с запахом окурков, сырости, старой краски и дешёвого табака.

В приёмной было тесно. Стол, заставленный бумагами, старый компьютер с пыльным экраном, стул на колёсиках, который скрипел при каждом движении. На стене — календарь за 2023 год, так и не сменённый. За столом сидел мужчина.

Он был плотным, коренастым, лет пятидесяти. Волосы на макушке поредели, открывая залысину, но с боков висели длинными седыми прядями. Руки лежали на столе — крупные, с толстыми пальцами, испачканными в синей краске, такой же, как та, что Денис нашёл в царапине на машине. Только в этот раз краска была свежей, ещё не высохшей.

Мужчина поднял голову, когда Денис вошёл. Глаза — серые, усталые, внимательные. Он рассматривал Дениса пару секунд, потом кивнул, приглашая подойти.

— Чем могу? — голос низкий, с хрипотцой. Как у человека, который курит с утра до вечера.

— Мне нужны планы перепланировок на дом на набережной Степана Разина, — сказал Денис, стараясь говорить спокойно. — Четвёртый корпус.

Мужчина долго смотрел на него. Не отводил взгляда. Потом медленно наклонился, покопался в ящике стола, достал папку. Вытер руки о тряпку, лежащую рядом.

— Четвёртый корпус? — переспросил он, не открывая папку. — Это который, сталинка, 52-го года?

— Да.

— Семнадцатая квартира? — мужчина поднял глаза. В них мелькнуло что-то — интерес, узнавание или напряжение. Денис не мог понять.

— Да, — повторил он. — Семнадцатая.

Мужчина молчал. Запустил руку в папку, достал несколько пожелтевших листов, развернул их на столе. Денис подошёл ближе, увидел схему дома — старую, вычерченную ещё вручную, тушью на кальке. Квартира 17 была отмечена красным.

— Здесь жила моя мать, — сказал мужчина. — Елена. Евграфова Елена Васильевна. Ты в её квартире живёшь.

Денис замер. Он знал это — паспорт, найденный в вентиляции, уже сказал ему. Но слышать это от чужого человека, здесь, в пропитанном маслом кабинете, было иначе. Это делало всё реальным.

— Она умерла? — спросил Денис.

— В 2005-м. Сердце. Я квартиру сдал. В ней трудно жить, слишком много воспоминаний. — Мужчина снова посмотрел на Дениса. — Я Николай. Николай Евграфов. Работаю здесь слесарем-сантехником уже двадцать лет.

Денис смотрел на руки Николая. Синяя краска, грубая кожа. Шрам на шее — он не заметил его сразу, но когда Николай повернул голову, стало видно. Тонкая белая линия, горизонтальная, будто кто-то провёл верёвкой и оставил след. Старый, почти незаметный, но для тех, кто смотрел внимательно, — очевидный.

— Что там было до неё? — спросил Денис, не сводя глаз с шрама. — До Елены. В квартире.

Николай усмехнулся, но в усмешке не было веселья. Только усталость и горечь, введшиеся глубже, чем масло в кожу.

— До неё муж был. Мой отец. Геннадий. Пропал в 1985-м. Никто не нашёл. Ушёл из дома и не вернулся.

— Исчез?

— Как в воду канул. — Николай повернулся к окну, посмотрел на серое небо. — Мать сказала, что он ушёл к другой. Что она не знала, куда. Менты искали, но так и не нашли. Дело закрыли через год.

Денис молчал. Он смотрел на пожелтевший план дома, на красную отметку квартиры 17. 1985 год. 2005 год. Двадцать лет между ними. И ещё один промежуток — до 1999 года. Тот год, о котором говорилось в конверте.

— А в 1999-м, — сказал Денис, и голос его прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало, — в квартире кто-то жил?

Николай резко повернулся. Взгляд стал жёстче, глаза сузились.

— А тебе зачем?

— Просто интересно. Я нашёл старые документы. — Денис не хотел говорить о паспорте, о серье, о конвертах. Не сейчас. Слишком много информации, слишком мало доверия.

Николай смотрел на него долго. Потом отвернулся, взял из папки ещё один лист. На нём был список жильцов, датированный 1999 годом.

— Здесь жила женщина. — Он ткнул пальцем в строчку. — Звали её... фамилия, я не помню. Она снимала квартиру у матери. Прожила около года, потом съехала.

— Съехала или исчезла?

Николай посмотрел на него. В его глазах было что-то странное — не удивление, а скорее любопытство. Будто он проверял, сколько Денис уже знает.

— Исчезла, — сказал он тихо. — Собрала вещи, закрыла дверь и не вернулась. Мать не заявляла в полицию — думала, она уехала. Но вещи остались в квартире. Мать нашла их, когда зашла через месяц. Всё лежало на месте. Только женщина исчезла.

Денис перевёл дыхание. Сердце билось быстрее. Ещё одно исчезновение. Ещё одна женщина, которая не ушла.

— Как её звали?

— Мать не говорила. Она вообще не любила вспоминать эту квартиру. Говорила, что в ней что-то не так.

Николай замолчал, глядя в окно. Снег падал на стекло, таял, стекал прозрачными каплями. Денис ждал.

— Мама боялась окон, — сказал Николай внезапно, не поворачиваясь. — Говорила, что в них отражаешься не ты, а кто-то другой. Что стекло показывает то, чего нет в комнате. Она переклеила их все в 90-х, заменила на новые. Но страх остался. Она даже шторы занавешивала плотные, чтобы не видеть отражения.

Денис замер. Слова отдались внутри глухим эхом. Он сам видел женщину в отражении. Он знал, что она была там. И теперь слова Николая звучали не как суеверие, а как предупреждение.

— Она говорила, что нужно менять стёкла, — продолжал Николай. — Чтобы не видеть. Чтобы отражался только ты. Стекла меняют. Смените.

Он повернулся к Денису. Глаза — холодные, серые, безжизненные. В них не было угрозы, но было что-то другое. Понимание.

— Если хочешь жить в этой квартире — смени стёкла. И закрой вентиляцию. Она ведёт в никуда.

Денис хотел спросить, что он имеет в виду. Но Николай уже отвернулся, взял тряпку и начал вытирать руки, показывая, что разговор окончен.

— Планы можешь забрать, — бросил он через плечо. — Только верни. Они у меня единственные.

Денис свернул пожелтевшую кальку, сунул под куртку. Вышел из кабинета, закрыл за собой дверь. Но на лестнице остановился.

Николай не спросил, зачем ему планы. Не спросил, что он ищет. Не спросил, откуда он знает про 1999 год. Он просто отдал бумаги и сказал менять стёкла.

Денис прислонился к стене. Холодная штукатурка через куртку. Он выдохнул, пытаясь успокоиться.

В руке — пожелтевшая калька. На ней — план его квартиры, нарисованный тридцать лет назад. В углу плана, там, где была вентиляционная шахта, стояла маленькая буква «Л». Денис нахмурился, поднёс план к свету.

«Л». Это был не карандаш — это была тонкая царапина. Кто-то процарапал её на кальке, будто отмечая особое место. Такую же царапину он видел на шурупе вентиляционной решётки. И на серьге, которую нашёл в шахте.

Денис снова посмотрел на план, и в груди похолодело. «Л» стояло на месте прохода. Там, где стена была фальшивой. Там, где он слышал шаги этой ночью.

Он вышел на улицу, снег бил в лицо. Поднял голову, посмотрел на своё окно на пятом этаже.

За стеклом стояла фигура. Женщина. Та, что в паспорте.

Она смотрела на него.

Но в этот раз она не исчезла.

Денис стоял на тротуаре, не в силах пошевелиться. Снег падал на плечи, таял на лице, но он не замечал холода. Он смотрел, как женщина в его окне медленно поднимает руку и прижимает ладонь к стеклу.

Туда же, где был отпечаток ладони прошлой ночью.

Она смотрела на него.

Она ждала.

Денис шагнул вперёд, но споткнулся о бордюр, упал в снег. Когда он поднялся, окно было пустым. Только трещина. Только снег на подоконнике.

И только мысль, которая не давала дышать:

Она знает, что он нашёл паспорт. Она знает, что он был в ЖЭУ. Она знает всё.
И она ждёт его возвращения.

Глава 4

Вечер опустился на Тверь рано — в четыре часа уже стемнело, фонари зажглись, и снег, падающий с низкого неба, кружился в их жёлтом свете, как миллионы мелких насекомых. Набережная Степана Разина опустела. Только редкие машины проезжали по мокрому асфальту, оставляя за собой чёрные полосы, которые тут же заметало снегом.

Николай Евграфов стоял у подъезда №2 и смотрел на часы. Наручные, старые, с потёртым кожаным ремешком, который он менял уже три раза, — они принадлежали его отцу. Тому самому, который исчез в 1985-м, оставив после себя только этот ремешок, старый армейский ремень и запах табака, въевшийся в обои на кухне. Часы показывали 19:47. Он ждал, когда стемнеет окончательно. Свет в окнах дома зажигался один за другим — сначала на первом этаже, потом на втором, потом на третьем. Квартира 19, на пятом этаже, в этот момент погасла. Галина Петровна ложилась спать. Она всегда ложилась рано, потому что сердце болело по ночам, и она принимала лекарства, запивая их тёплым молоком. Николай знал это. Он знал всё о своих соседях.

В руке он держал хозяйственную сумку — старую, потёртую, с оторванной ручкой, которую он не удосужился пришить. Внутри лежал пакет с продуктами, которые он купил в магазине за углом: хлеб, молоко, яйца, пачка печенья — обычный набор для пожилой женщины. Он купил их нарочно, чтобы было что показать, если кто-то спросит. Он заходил к Галине Петровне раз в неделю, приносил продукты, проверял, жива ли она, не нужно ли что. Соседи привыкли. Они видели его, кивали, желали здоровья и шли дальше. Никто не задавал вопросов.

Но сегодня в сумке было нечто большее. То, что он приготовил заранее, дома, на кухне, пока жена спала в спальне, не подозревая, что муж встал в три часа ночи, достал из аптечки шприц и ампулу с прозрачной жидкостью. Он приготовил её по рецепту, который нашёл в старых бумагах матери, — она умела делать настойки, знала травы, знала, что останавливает сердце, не оставляя следов. Она научила его, когда он был мальчишкой. «Это для тех, кто не должен жить», — говорила она. Он не понимал тогда. Теперь понимал.

Он не хотел делать это. Он знал, что это неправильно, что Галина Петровна старая и больная, что она и так умрёт через месяц или два. Но мать просила. Она просила каждый раз, когда он приходил на кладбище и стоял у её могилы, глядя на фотографию, приклеенную к памятнику. Она говорила: «Николай, ты должен закончить. Ты должен сделать это за меня. Я не могу, я ушла, но ты здесь. Ты можешь. Ты должен. Это последняя. Она знает правду. Она не должна унести её с собой».

Он поднялся по лестнице. Подъезд №2 был старше, чем подъезд №1, — его почти не ремонтировали, и стены покрылись слоями краски, которая отслаивалась и пахла плесенью. Перила шатались, на ступеньках лежали окурки, и воздух был тяжёлым — смесь табака, сырости и дешёвого освежителя, которым управляющая компания пыталась замаскировать запах канализации. На площадке второго этажа горела лампочка, которая мигала и трещала, будто вот-вот погаснет. Николай прошёл мимо, не останавливаясь. Он знал этот подъезд как свои пять пальцев — каждый выступ на стене, каждую трещину в штукатурке, каждую дверь, которую он когда-то открывал и закрывал, ремонтируя замки, трубы, проводку.

Третий этаж. Четвёртый. Пятый.

Он остановился у двери квартиры 19. Табличка — выцветшая, с трудом читаемая — «Петрова Г.П.». Рядом висел коврик, вышитый крестиком — Галина Петровна сама вышивала его, когда могла видеть. Сейчас она почти ослепла, зрение падало из-за диабета, и она уже не бралась за иголку. Коврик был пыльным, старым, на нём лежал конверт — пришло письмо из пенсионного фонда, которое она не могла прочитать без очков.

Николай знал, кто там живёт. Он знал её двадцать лет, с тех пор, как она переехала сюда, после смерти мужа в девяносто восьмом. Она была соседкой его матери, когда та жила в семнадцатой. Они дружили — ходили друг к другу пить чай, обсуждали новости, жаловались на здоровье и на детей. Галина Петровна всегда была доброй, улыбчивой, она носила маме пирожки и вязала шарфы на зиму. Пока мать не узнала правду. Пока она не поняла, что Галина Петровна знала, куда делся муж. Что она видела его после того, как он исчез. Что она молчала двадцать лет.

Николай достал ключи. Он не взламывал дверь — у него были ключи от всех квартир в этом доме. Восемнадцать лет работы в ЖЭУ, обслуживание сантехники, замена кранов, ремонт батарей — он знал каждый замок, каждую защёлку, каждый хитрый механизм, который устанавливали в сталинках, чтобы двери не скрипели. Он вставил ключ в замочную скважину, повернул, и дверь открылась беззвучно. Он вошёл в прихожую, прикрыл дверь за собой, не захлопывая.

Запах старого жилья — нафталин, лекарства, несвежий воздух, который годами впитывался в обои, в ковры, в шторы. Квартира была маленькой, однокомнатной, с низкими потолками, с газовой плитой в углу, которую никто не менял с девяностых. В комнате горел ночник, бросая на стены жёлтые тени. На тумбочке стоял стакан с водой, лежали таблетки — валидол, корвалол, что-то ещё, что ей выписал кардиолог. Она принимала их три раза в день, чтобы сердце не остановилось. Иронично, подумал Николай. Она принимала лекарства, чтобы не умереть. Но он пришёл, чтобы помочь ей.

Галина Петровна спала. Ей было семьдесят лет, она была больна сердцем, и врачи говорили, что ей осталось недолго. Она лежала на кровати, накрытая старым шерстяным одеялом, которое сама связала двадцать лет назад, когда у неё ещё были силы. Одеяло было выцветшим, потёртым, но тёплым — она не могла спать без него, даже летом. Она дышала тихо, почти беззвучно, с присвистом — дыхание старых людей, у которых лёгкие уже не справляются.

Николай сел на стул. Сумка с продуктами осталась у двери. Он поставил её так, чтобы, если кто-то войдёт, сначала увидел еду. Он снял куртку, повесил на спинку стула. Потом достал из кармана шприц — маленький, одноразовый, с тонкой иглой, в упаковке. И ампулу. Прозрачную жидкость без запаха, которую он приготовил сам. Он знал, что она не оставляет следов в крови — в медицинских книгах это называлось «быстрое купирование сердечной деятельности» или как-то ещё, но он не помнил термина. Он помнил только, что это делают, когда хотят, чтобы человек умер без боли, без крика, просто перестал дышать.

Он смотрел на Галину Петровну. На её седые волосы, разметавшиеся по подушке, на морщинистую кожу, на тёмные круги под глазами, на её руки, лежащие поверх одеяла — тонкие, с вздутыми венами, с пожелтевшими ногтями. Она была старой и больной. Она могла умереть в любую минуту. Врачи сказали бы: сердце, неизбежно, естественный процесс. Никто не стал бы проверять.

Он взял ампулу, отломил горлышко. Жидкость пахла спиртом и чем-то горьким. Он набрал её в шприц, выпустил пузырьки воздуха. Потом подошёл к капельнице, которая висела на крючке у кровати — Галине Петровне ставили её каждый вечер. Физиологический раствор, витамины, поддерживающие сердце. Он ввёл шприц в резиновую трубку, медленно нажал на поршень. Жидкость растворилась, исчезла в прозрачном растворе, не оставив следа.

Галина Петровна вздрогнула во сне. Её рука дёрнулась, пальцы сжали одеяло, лицо искалось на мгновение, будто она увидела что-то страшное. Потом расслабилось.

Дыхание стало реже, глубже.

Потом прекратилось.

Николай сидел на стуле и смотрел на неё. Ждал, когда сердце остановится окончательно. Он слышал своё сердце — оно билось ровно, спокойно, без страха. Он привык. Он делал это уже трижды. Всё было так же тихо, так же просто.

Прошло три минуты. Пять. Когда она перестала дышать, он встал. Убрал шприц в карман, завернул в салфетку. Ампулу спрятал в специальный контейнер, который потом выбросит в реку. Он проверил капельницу — никаких следов. Иглы не оставили проколов на трубке, потому что он вводил через специальный порт для лекарств, который был предусмотрен.

Он надел куртку. Взял сумку с продуктами — он всё равно оставит её здесь, чтобы соседи думали, что он приносил еду. На столе он положил хлеб, молоко, яйца, чтобы квартира выглядела как обычно.

Он вышел из квартиры. Закрыл дверь на замок. Спустился по лестнице, не торопясь, аккуратно переставляя ноги. На площадке второго этажа лампочка всё ещё трещала, он хотел заменить её завтра — новая лампочка лежала у него в кармане, но он забыл. Он выдохнул, вышел на улицу.

У подъезда он снял перчатки — тонкие медицинские, которые надел перед тем, как войти. В них он не оставил отпечатков. Он выбросил их в мусорную урну у подъезда, положив на дно, прикрыв снегом. Потом достал сигарету, закурил. Стоял под фонарём и смотрел на окно квартиры 17.

Там горел свет.

Новый жилец. Мужчина. Денис. Николай сдал ему квартиру месяц назад, подписал договор, отдал ключи. Денис не спрашивал про историю, про мать, про 1999 год. Он просто снял квартиру, как сотни других. Но Николай знал: он не останется. Никто не оставался.

Он затаился, выпустил дым в холодный воздух. И замер. На мгновение ему показалось, что в окне квартиры 17, за тем самым стеклом с трещиной, стоит фигура. Женская фигура. Она прижалась к стеклу, смотрела вниз — на него. В снежном свете фонарей он мог разглядеть силуэт, руки, прижатые к стеклу.

Это была его мать.

Николай выронил сигарету. Она упала в снег, зашипела, погасла. Он отступил на шаг, споткнулся о бордюр, едва не упал. Смотрел, как лицо матери прижимается к стеклу, как её губы шевелятся, произнося слова, которые он не мог слышать, но знал наизусть.

«Я здесь, сын. Я всегда здесь».

Он закрыл глаза. Сжал кулаки. Когда открыл — окно было пустым. Только свет, только трещина на стекле, падающий снег.

Николай выдохнул. Развернулся и пошёл к себе домой, не оглядываясь.

Но он знал: мать не ушла. Она никогда не уходила. Она жила в стенах этого дома, в вентиляции, в отражениях окон. Она ждала, когда он закончит начатое.

Он закроет этот круг. Ещё две женщины осталось. И он сделает это.

Ради неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.